

УДК 316.772.2.5

Общество знаний как социальный конструкт**Бурганова Л.А.**

Доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Статья посвящена анализу различных интерпретаций концепта «общество знаний». Выявляются особенности качественного состояния новой социальной реальности или нового социального идеала.

Ключевые слова: общество знаний, концепции постиндустриального общества, информационное общество, программируемое общество, новая экономика, информационные ресурсы.

Понятия «общество знаний» и «общество знания» («*knowledge society*») – это относительно новые категории, используемые социальными философами, социологами, экономистами, теоретиками менеджмента для обозначения качественного состояния социальной реальности, отличающейся от всех предшествующих состояний общества своим экономическим, культурным, политическим и социальным содержанием. По существу, новый социальный конструкт приобретает черты социального идеала, «определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур» [1, с. 3].

Однако можно ли сегодня говорить о том, что сложились достаточные теоретико-методологические основания для становления инновационной концепции «общества знания» как альтернативы предшествующей теоретической конструкции «постиндустриальное общество» и попытки обоснования «постпостиндустриальной» реальности? И самое главное: насколько контуры новой модели социального развития релевантны современным реалиям развитых стран?

На наш взгляд, трудно дать утвердительный ответ на первый вопрос, поскольку каждая из концепций постиндустриального общества основана на признании главной движущей силой развития производство знаний и использование знаний, постулировании идеи прогресса науки и технологических достижений. Скорее всего речь может идти о попытке

переинтерпретации сущности и результатов постиндустриального общества, об осмыслении путей преодоления наметившихся его противоречий.

Отметим, что сам термин «общество знания» получил прописку в исследованиях социальных теоретиков почти одновременно с альтернативными ключевыми категориями – «постиндустриальное общество», «информационное общество», с помощью которых описывалась новая стадия развития общества. Так, впервые понятие «общество знания» было запущено в научный оборот во второй половине 1960-х гг. американскими учеными – политологом Р. Лэйном и теоретиком менеджмента П. Друкером; термин «информационное общество» обязан своим происхождением американскому ученому Ф. Махлупу; концепт «постиндустриальное общество» стал оформляться в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. Традиционно считается, что первым применил термин «постиндустриальное общество» американский социолог Д. Рисмен, а Р. Арон и Д. Белл создали первые теоретические модели описания данного феномена как идеального общества, обратив внимание на конституирование и рост информационного сектора экономики, влияние знания на всю социальную реальность.

Таким образом, концепт «общества знания» выделим от исследований на тему постиндустриального и информационного общества и нет методологических оснований для их противопоставления. Однако при всей справедливости этого утвержде-

ния, следует отметить, что ключевая категория «знание» получает в разных концепциях полисемантическую интерпретацию.

Д. Белл в рамках своей концепции постиндустриального общества предложил свою трактовку дифференциации понятий «информация» и «знание»: «информация представляет собой обработку данных в самом широком смысле, в то время как знание есть организованный набор фактов и идей, представляющий обоснованное суждение или результат опыта, который передается через какое-либо коммуникативное средство в некой систематической форме» [2]. По существу, под знанием понимается им прежде всего наука, что в целом отражает позитивистский идеал эпохи модерна. Д. Белл воспроизводит прогрессистскую теорию О. Конта с его верой в торжество разума, направляемого научным знанием. «Специфика постиндустриального общества определяется характером знания: главную роль в процессах принятия решений и управления изменениями играет теперь теоретическое знание» [2, с. 20]. Повышение роли теоретического знания связывается с тем, что оно становится основой создания и применения новой технологии, технологии инноваций, которым придается статус «интеллектуальных технологий, способных заменить интуитивные суждения логически безупречными алгоритмами, то есть четкими правилами принятия решений».

По существу, постиндустриальное общество Д. Белла – это информатизированное промышленное общество, детерминированное рыночной экономикой. Основными социальными результатами постиндустриального общества являются: 1) укрепление роли науки и знания как основной институциональной ценности общества; 2) превращение процесса принятия решений в разработанную технологию по мере вовлечения ученых в политический процесс; 3) углубление существующих тенденций в направлении бюрократизации интеллектуального труда; 4) рост технической интеллигенции, что поднимает серьезнейший вопрос отношения технического интеллекта к гуманитарному собрату [2, с. 59].

Знание является продуктом прежде всего теоретической деятельности, что определяет центральную роль его в экономике услуг, и значение которого во многом определяется его способностью вырабатывать новые интеллектуальные технологии. В полном соответствии с идеей технологического детерминизма Д. Белл трактует знание не только как «агента трансформации постиндустриального общества», но и как важнейшего стратегического ресурса такого общества. При этом речь уже не идет о чисто теоретическом знании: ученый актуализирует идею его интеграции с практическим знанием (в виде изобретения или организационного усовершенствования), что обеспечивает превращение знания в источник стоимости.

Таким образом, содержательное сходство между понятиями «общество знания» и «постиндустриальное общество» в интерпретации Д. Белла очевидно. В разработанной им позитивистско-технократической версии постиндустриального общества именно знание выступает в качестве источника экономического развития нового общества и критерия социальной стратификации.

Идея знания как главного фактора развития новой цивилизации была усилена в концепциях информационного общества, становление которых началось почти одновременно с теориями постиндустриального общества и пик популярности которых пришелся на начало 1970-х гг. Одними из первых этот концепт ввели в научный оборот экономисты Ф. Махлуп, М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц и др., которые обратили внимание на то, что не всякая информация может выступать фактором экономического роста, а лишь та, которая связана с приращением нового знания.

Ф. Махлуп проанализировал процесс распространения знаний через различные социальные институты, вводя понятие «индустрия знаний» [3], полагая, что необходимо выделить особый сектор в американской экономике, представленный информационными отраслями, – это образование, право, издательское дело, средства массовой информации и производство компьютеров.

Отличительной особенностью новой экономики становится не только ее нацеленность на производство информации, но и изменение характера ее использования: она становится основой развития всеобщих производительных сил, создаваемых и используемых только коллективно. Так же как и Д. Белл, Ф. Махлуп трактует информацию с точки зрения движения и передачи знаний: информировать – значит, передавать знания, знание может быть результатом информации. Любая информация в обычном значении этого слова есть знание, хотя не всякое знание может называться информацией. Таким образом, знание в концепции Ф. Махлупа выступает в виде особой разновидности информации, преимущество которой состоит в том, что оно в процессе потребления не исчезает, напротив, остается доступным для множества потребителей. Однако скорость его «морального износа» существенно выше, чем реальных товаров, что обуславливает более высокую ренту при реализации права собственности на интеллектуальный товар.

В трудах Т. Стоуньера заметно сведение знания, информационных ресурсов к разновидности экономической ценности. Овеществленные процессы – инструменты, машины и пр. – в то же время представляют собой овеществленную информацию. Как пишет Т. Стоуньер, нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же время не был бы приложением информации. Более

того, знание, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. Среди всех известных основных способов увеличения национального богатства (постоянное накопление капитала, военные захваты и территориальные приращения, использование новой технологии) именно последнее является наиболее крупным потенциальным источником богатства, так как оно позволяет переводить не ресурсы в ресурсы, а в силу высокого уровня развития технологий. При этом Т. Стоуньер указывает на принципиально новое качество знания как информационного ресурса: им можно без сожаления делиться [4]. Из этого факта Стоуньер выводит такую черту общества, основанного на знании: в нем на место конкуренции, типичной для сделок по поводу материальных вещей, придет сотрудничество как принцип человеческих отношений.

И все же концепция знания Стоуньера выходит за рамки чисто экономической его интерпретации. Ученый делает акцент на оценке знания как самоорганизующего начала в жизни человеческого общества, опираясь на методологию системного анализа. Важнейшую черту потребления знания, информационного ресурса он видит в том, что его использование, в отличие от потребления материалов или энергии, ведущее к увеличению энтропии во Вселенной, приводит к противоположному эффекту: увеличивает знания, повышает организованность в окружающей среде и уменьшает энтропию.

Идеи классика современной западной футурологии Э. Тоффлера содержат в своей основе тезис, что знание, основанное на компьютеризации, информатизации, становится самым ценным ресурсом и условием для цивилизации «третьей волны» [5]. В первой книге своей известной трилогии под названием «Шок будущего» (1971 г.) ученый отходит от акцента на технологических проблемах информационного общества, предлагая неклассический методологический подход к оценке знания, в основе которого – понимание его как феномена культуры, как сложно структурированной системы, интерпретируемой в контексте процесса глобализации. Он включает в структуру знания не только образование, науку, технологию, национальные стратегические концепции, но и все «международные интеллектуальные средства, язык, общие знания о других культурах, культурное и идеологическое понимание мира, многообразие коммуникационных каналов, спектр новых идей, воображение» [6]. При этом определяющими характеристиками знания являются децентрализация, дестандартизация, демассификация всех сторон экономической и социальной жизни. Процесс дестандартизации порождает «дополнительную инновативность», обусловленную наличием множества направлений протекания социальных процессов, фрагментацией общества. Возросший объем знания, информации вызывает

высокий уровень инновативности, с одной стороны, продуктов, производства, технологии и организации, с другой – потребителей, партнеров, коллег, сотрудников инновационных организаций. Ученый обращает внимание на то, что новая цивилизация перестроит всю систему образования.

В своей более поздней работе Тоффлер трактует знание уже не только как инновационный фактор, но и как взрывную силу, которая произведет сдвиг власти [7]: начинается «эра смещения власти», в ходе которой осуществится постепенный распад всех существовавших в мире прежних властных структур и зарождение принципиально новых. Этот процесс происходит на всех уровнях человеческого общества, весь общественный организм под влиянием знания подвергается резким трансформациям, уходит в небытие деление мира на социалистический и капиталистический, на Север и Юг. На смену этому приходят системы быстрых и медленных экономик. Если первые основаны на инновации и обновлении, на идее неповторимости, то вторые традиционно устойчивы и инерционны в своем существовании. Новый экономический мир основывается на знаниях и способностях человека, на мироощущении свободы и идее творческого саморазвития.

В 1990-е гг. в условиях принципиально нового социально-политического и технологического контекста идея общества знания как общества будущего вновь становится предметом широкого общественного интереса. Большой вклад в развитие дискуссии о сущности происходящих сдвигов в развитии индустриального общества внес гуру американского менеджмента П. Друкер [8], который не ограничился общей оценкой знания как производительной силы общества, но обратил внимание на его социопорождающую роль. Знание – не просто сила, это – сила, способная создавать новое общество, высокие темпы распространения капитализма, технологических новшеств напрямую связаны с радикальными изменениями в самой концепции знания: знание из сферы бытия, существования превратилось в сферу действия.

Ученый, однако, далек от того, чтобы рассматривать нынешнее общество как «общество знания»; пока можно говорить лишь о создании экономической системы на основе знания (*knowledge society*). Поэтому он предлагает назвать общество, в котором мы живем, как «посткапиталистическое»: оно наступило тогда, когда знание, служившее прежде одним из видов ресурсов, одной из потребительских услуг, стало главным ресурсом, а земля, рабочая сила и капитал стали играть роль сдерживающих, ограничивающих факторов. Движение к посткапитализму, а затем и к обществу знаний связывается Друкером со все более широким вовлечением знания в сферу действия рынка. Коренное изменение значения знания Друкер видит и в том, что оно про-

шло путь от знания (в единственном числе) к знаниям (во множественном числе), т.е. к многочисленным отраслям знаний. Если прежде знание носило общий характер, то сегодня знания в силу необходимости стали глубоко специализированными. Его интерпретация современного знания свободна от двусмысленности: знание сегодня – это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов. Это – знание прикладное, т.е. определяющее способность к действию. Притом, что важно: «результаты его проявляются вне человека – в обществе, экономике или в развитии самого знания» [8, с. 99].

Концепция знания известного теоретика «программируемого общества» А. Турена предлагает во многом аналогичный подход к преодолению издержек техницистской интерпретации постиндустриального (информационного) общества [9, с. 130]. С одной стороны, в полном согласии с Д. Беллом и П. Друкером, А. Турен определяет знание как специфическую характеристику данного типа общества, выраженную в способности к нововведениям, производству новой продукции, результатом которой являются инвестиции в науку и технику. С другой стороны, его концепция отражает влияние вышедших на арену общественной жизни новых социальных движений, появление которых мало было связано с традиционными классовыми антагонизмами индустриальной эпохи. Подход А. Турена содержит оригинальную интерпретацию знания как способности к более глобальным действиям на политическом и управленческом уровне. Новизна подхода А. Турена состоит и в признании знания в качестве элемента самоуправления: это способность создавать модели управления производством, использовать сложные системы информации и коммуникации. Решающую черту постиндустриального общества он видит в том, что оно является программируемым, так как «вся совокупность экономической системы составляет объект интервенции общества в отношении самого себя».

Переход к постиндустриальному обществу осуществляется, когда инвестиции производят в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления. По существу, у Турена речь идет о знании, которое приобрело вид символического продукта, оказывающего влияние на всю систему коммуникаций: чем больше производится знания, тем больше запрограммированных коммуникаций и, следовательно, у человека больше свободы выбора в сфере материального и интеллектуального потребления.

Среди теорий, противостоящих известным концепциям информационного общества, выделим оригинальный подход испанского социолога Мануэля Кастельса [10], в основе которого идея, что в новом, информационном способе развития источ-

ник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности.

Ученый предлагает назвать зарождающееся общество не информационным, а «сетевым обществом», важнейшей чертой которого выступает не доминирование знания, а изменение направления его использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, «сетевые структуры» (*Network Society*), вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости. Сетевой структурой Кастельс называет комплекс взаимосвязанных узлов, к которым можно отнести рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков или о советах министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре управления Европейским союзом [11, с. 495].

Кастельс видит специфику современного общества в том, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие сети доступ к технологическим умениям и знаниям составляет основу производительности и конкурентоспособности. В рамках комплексных, глобальных сетей, которые взаимодействуют друг с другом, производственные процессы объединяются в одно целое.

В концепции «информационализма» М. Кастельса уточняется новый характер взаимосвязи между информацией и обществом: она становится основным компонентом нашей социальной организации. Поскольку информация – это знание, которое организовано для передачи, оно представляет собой технологический продукт, подготовленный для включения в практику, то информационализирующаяся экономика – это не экономика обмена предметами и энергией (деятельностью), а экономика символического обмена, поскольку основную нить общественной структуры составляют потоки идей и образов. Обмениваются и потребляются не свойства предметов, а все новые и новые фрагменты знания (информация) о предметах «информации об информации».

Концепция общества знания Н. Штера исходит из интерпретации его главной отличительной особенностью как стремления человека XXI в. обустроить уже не отдельные фрагменты жизни, а всю жизнь на началах знания. Это – общество, где «знание не только

является конститутивной особенностью современной экономики, но и становится организующим принципом всего общества» [12]. Ученый выделяет несколько видов знаний: знание содержательное, как просвещенческий идеал, необходимое для понимания; продуктивное знание, применяемое в производстве; действенное знание, связанное с повседневной практической деятельностью. Общество знания отличается деятельностным характером знания, которое может не только усилить общество, но и спровоцировать его нестабильность. Он обращает внимание на то, что «современные общества суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что «сами производят» свои структуры, сами определяют свое будущее, а стало быть, обладают способностью к саморазрушению». Его позиция пронизана антисциентизмом: «Наука не дает людям никаких истин – она может дать им только более или менее обоснованные гипотезы и вероятностные выводы. Вместо того, чтобы быть источником достоверных знаний и уверенности, она, в первую очередь, является источником неуверенности и общественно-политических проблем. Поэтому для обществ знания завтрашнего дня будут характерны неопределенность, неожиданные попятные движения и всякого рода “сюрпризы”» [12, с. 34].

Итак, в различных версиях методологии и теории социогуманитарного знания сложились довольно противоречивые оценки сущности общества знания, что не дает основания для вывода о том, что сложилась развернутая, целостная его концепция. И даже усилия международных организаций, особенно ЮНЕСКО, позиция которой выражена в знаменитом Всемирном докладе «К обществам знания» (*Towards knowledge societies*) [13], не результативались в оформлении общей интерпретации модели общества знаний, хотя в Докладе была сделана попытка осуществить интеграцию теоретических подходов к анализу общества знания, представленных в идеях постмодерниста Ж. Деррида, автора сетевой теории общества М. Кастеллы, положений теории программируемого общества А. Турена и многих других идей современных теоретиков.

В Докладе красной нитью проходит идея об опасности технократической интерпретации общества знания, о его принципиальном отличии от информационного общества, базирующегося на достижениях технологии. Информационное общество – лишь средство создания настоящих обществ знания. В основание понятия «общества знаний» предлагается заложить гуманитарные ценности, включить в понятие «знание» обязательный морально-этический компонент. Прямо декларируется «необходимость формирования новой этики – этики свободы и ответственности, и эта этика... будет основана на совместном использовании знаний».

Обращает на себя внимание использование ключевого понятия во множественном числе для того,

чтобы подчеркнуть, что «не существует какой-то единой модели общества знания, которую можно “поставить под ключ” и которая недостаточно отражала бы культурное и языковое многообразие, которое одно только и может позволить каждому человеку ориентироваться и найти свое место при нынешних стремительных изменениях. Построение любого общества всегда включает различные формы знания и культуры, в том числе и те, на которые оказывает сильное влияние современный научно-технический прогресс» [13, с. 19].

Главной задачей современности, по мнению авторов Доклада, является качественное превращение информации в знание. А как ее решить? В качестве решающей стратегии предлагается повсеместное формирование когнитивных способностей. Феномен обучения становится ключевым процессом и должен «сформироваться на всех уровнях наших обществ, он также призван структурировать организацию времени, работы и жизни наших институтов». Предлагается пересмотреть в первую очередь методологические основы образования: в отличие от информационного общества, остающегося на более низком уровне традиционных «обществ памяти», образование в обществах знания должно готовить не носителей или обладателей информации, но активных пользователей. Для решения этих задач, отмечается в Докладе, необходима система образования, не только позволяющая, но и обязывающая человека непрерывно учиться: «в становящемся все более сложном мире, где каждому в течение жизни может потребоваться исполнять различные задачи, становится необходимым продолжать учебу всю жизнь» [13, с. 59].

Завершая обзор эволюции концепций общества знания, зададимся вопросом: а можно ли говорить, что уже сегодня какая-то часть человечества живет в обществе знания? На наш взгляд, ответить на этот вопрос утвердительно сложно уже в силу того, что до сих пор не сложилось целостного представления о сущности общества знания и отсутствует понимание механизма перехода к нему. И вышеупомянутый Доклад ЮНЕСКО также не содержит развернутой концепции социального и гуманитарного развития человечества в XXI в. Это, скорее, идеологический документ, в котором на основе анализа огромного фактического и статистического материала глобального уровня предлагается абстрактно-философское осмысление необходимости перехода от «информационного общества» к «обществам знания», критериями оценки которого выступают не столько экономические, сколько социальные и гуманитарные показатели. Поэтому остается надеяться, что новый опыт движения человечества на этом пути позволит подняться на более высокий уровень теоретического осмысления.

Литература:

1. Алексеева И.Ю. Что такое общество знаний? – М., 2009. – 96 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
3. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – М.: Прогресс, 1966. – 462 с.
4. Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. – L., 1983. – 211 p.
5. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2002. – 784 с.
6. Toffler A. Future Shock. – N.Y.: Bantam Books, 1971. – 573 p.
7. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М.: ООО «Издво АСТ», 2004. – 669 с.
8. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 67-100.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. – М., 1998. – 204 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 60 с.
11. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 492-505.
12. Штер Н. Мир из знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. – 2002. – № 2. – С. 31-35.
13. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж, 2005. – 239 с.

Knowledge Societies as a social construct*L.A. Burganova**Kazan National Research Technological University*

This article analyzes the different interpretations of the concept of "knowledge society". The features of the new qualitative state of social reality or a new social ideal are revealed.

Keywords: knowledge society, the concept of post-industrial society, information society, programmable society, the new economy, the informational resources.

